

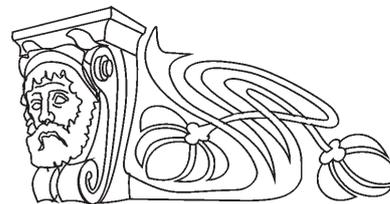

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 251–254
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 251–254
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254>

Научная статья
УДК 316.344.42

Интегрально-критический подход как направление социологического анализа политической элиты

Д. В. Покатов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9973-1473>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и возможности применения интегрально-критического подхода к изучению элитных групп в целом и политической элиты в частности. Дается характеристика часто используемых в прошлом репутационного и решенческого (децизионного) методов, позиционного (институционального, формального) и ценностного (меритократического) методологических подходов. Отмечается, что сегодня и позиционный, и ценностный подходы не совсем пригодны в их идеальном варианте для анализа элиты, прежде всего, в силу их крайней односторонности оценок. Исходя из этого, обосновывается тезис о необходимости особого интегрально-критического подхода, свободного от субъективно-ценностных суждений, политико-идеологических и нормативистских трактовок.

Ключевые слова: элита, политическая элита, интегрально-критический подход, социологический анализ, профессионально-личностный потенциал

Для цитирования: Покатов Д. В. Интегрально-критический подход как направление социологического анализа политической элиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 251–254. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Integral-critical approach as a direction of sociological analysis of the political elite

D. V. Pokatov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry V. Pokatov, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9973-1473>

Abstract. The article discusses the features and possibilities of applying an integral-critical approach to the study of elite groups in general and the political elite in particular. The characteristic of reputational and decision-making (decision) methods, positional (institutional, formal) and value-based (meritocratic) methodological approaches often used in the past is given. It is noted that today, both positional and value (meritocratic) approaches are not quite suitable in their ideal version for the analysis of the elite, primarily due to their extreme one-sidedness of assessments. The thesis about the need for a special integral-critical approach, free from subjective value judgments, political-ideological and normative interpretations, is substantiated on the basis of the applied methods.

Keywords: elite, political elite, integral-critical approach, sociological analysis, professional and personal potential

For citation: Pokatov D. V. Integral-critical approach as a direction of sociological analysis of the political elite. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 251–254 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние годы не ослабевает интерес к различным аспектам элитной проблематики, что имеет под собой определенные основания. С одной стороны, сама элита в целом и политическая элита в частности закрепляют свои статусные позиции в социальной структуре общества, с другой стороны, про-

должают вестись дискуссии относительно использования тех или иных методологических подходов к анализу элитных групп. Как раз последнее обстоятельство ввиду его несомненной важности и отсутствия четкости и полноты заставляет вновь обратиться к данному вопросу.

В настоящий момент в научной литературе в целом представлена характеристика ряда методологических оснований изучения элитных групп [1]. При этом О. А. Логинова даже отмечает необходимость перехода к некоторой интегративной теории в изучении элит, сводя ее только к допущению существования множества оснований для формирования элиты [2, с. 101]. Как думается, это не проясняет сущности вопроса.

Действительно, на сегодня базовыми методологическими подходами в изучении элит в социологии политики являются позиционный (институциональный, формальный) и ценностный (меритократический). Два других, которые часто причисляют к методологическим принципам (а именно – репутационный и решенческий), выступают своеобразными методами изучения элитных групп, имеющими как свои достоинства, так и недостатки. При этом репутационный подход связан с представлениями экспертного сообщества о составе элиты и ее базовых характеристиках. И сложности здесь возникают с определением степени информированности экспертов, участвующих в определении элиты. Решенческий (децизионный) метод также имеет несомненно субъективную направленность, поскольку связан опять с исследователями, определяющими степень приближенности того или иного представителя элиты к принятию властных решений, и при этом непременно возникающими трудностями в определении представителей элиты, участвующих в принятии управленческих решений. В целом, базовые недостатки данных подходов, помимо отмеченных выше, заключаются в том, что политическая элита сводится фактически только к относительно узкой прослойке лиц, представленных в институтах власти и управления. Именно это и становится в последние годы определенным камнем преткновения в самом признании научного статуса категории «элита».

В отличие от репутационного и решенческого (децизионного) методов, позиционный (институциональный, формальный) и ценностный (меритократический) методологические подходы имеют более солидную историю использования, группы сторонников и сами основания. Но они также не лишены как достоинств, так и значительных недостатков.

Как известно, первый, позиционный (институциональный, формальный) подход ведет в социологии свое начало от трудов представителей так называемой «макиавеллистической» школы, и прежде всего Г. Моска, отмечавшего, что «во всех обществах (начиная со

слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых. Первый – всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть» [3, с. 187]. Действительно, трудно отрицать, что правящий класс выступает сегодня составной частью политической элиты. Это характерно для любого общества, в том числе и российского, относящегося к особому мобилизационному (или, по выражению О. В. Крыштановской, политическому) типу общественного развития. Можно согласиться с О. В. Крыштановской, что в обществах западного типа (экономических) господствующими являются экономический фактор и рациональность. Политические изменения здесь во многом стимулируются классом собственников как наиболее активной частью общества. Власть и ее идеологическое обоснование также формируют слои, имеющие капитал.

Полную противоположность данному типу составляют политические общества, где доминируют политический фактор и патримониализм. Главным видом капитала в них является политический, не только приносящий доход, но и выступающий гарантом богатства. Размер доходов был связан с местом в политической иерархии [4, с. 40–41]. Мобилизационный тип развития общества определялся А. Г. Фоновым как развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм [5, с. 46–47]. Такой тип развития, как совершенно справедливо отмечает мыслитель, мог возникнуть только под влиянием внешних, экстремальных условий, постоянных угроз нападения извне, а также при отсутствии гражданского общества и внутренней оппозиции, роль которой на Западе долгие годы играла церковь [5, с. 46–47]. В условиях низкой социальной активности, отсутствия тех сил и институтов, которые могли составить альтернативу правящей элите, данная группа объективно занимала ведущие позиции. При этом сами характеристики общества во многом детерминировали и облик самой элиты.

В идейно-теоретическом плане следует отметить то обстоятельство, что на Западе, как правило, представители «третьего сословия» (затем и среднего класса) разрабатывали управленческие теории и элитистские парадигмы с целью рационализации и повышения

эффективности управленческой деятельности, в то время как в России зачастую представители самих элитных слоев, заинтересованные в сохранении на продолжительный период своего господства, стремились посредством создания властно-политических теорий обосновать свои притязания на власть.

Данное видение политической элиты совершенно справедливо вызывало неприятие и заслуженную критику со стороны многих исследователей, представляющих различные направления гуманитарного и социального знания.

По справедливому замечанию английского социолога Джона Скотта, неразборчивое употребление термина «элита» маскировало ценность элитного анализа. По его мнению, если рассматривать элиты просто как всех тех, кто находится на вершине какой бы то ни было иерархии, тогда идентификация и анализ элит тривиальны. Продолжая, Дж. Скотт верно констатирует, что, если все общества и организации по определению имеют элиту высших должностных лиц, тогда язык элитистского анализа ничего нам не говорит. С другой стороны, если элиты понимаются как реальные социальные группы, характеризующиеся определенным сознанием, сплоченностью, сговором, и они анализируются в их отношении с классами, создающими общество, тогда поиск властных элит остается ключевым пунктом социологического анализа [1, с. 8].

Особую критику положений позиционного подхода можно встретить в рамках ценностного (меритократического) подхода, наиболее последовательные сторонники которого видели критерии принадлежности к элите в наличии и ярком проявлении различных интеллектуальных способностей и, самое главное, высоких моральных качеств индивидов, их нацеленности на служение интересам того общества, которое они должны представлять и интересы которого выражать и отстаивать. Наиболее ярко, на наш взгляд, это было выражено в трудах испанского социолога Х. Ортега-и-Гассета, считавшего, что к элите вообще и политической в частности (или «избранному меньшинству») следует относить только тех деятелей, кто требует от себя очень многого, стремится подчинить свою жизнь высоким требованиям и законам, обладает интеллектуальным или моральным превосходством над массой [6, с. 89–90].

В отечественной социологической науке в 90-е гг. прошлого века наиболее последовательным сторонником данного подхода проявил себя известный отечественный социолог Ж. Т. Тощенко, отмечавший, что ни о какой

элите в России не может быть и речи. Употреблять, по его мнению, данную категорию – значит сознательно (или неосознанно) заниматься фальсификацией существующей реальности, подыгрывать низменным страстям властных кругов. По мнению ученого, элитой являются именно лучшие слои общества, обладающие высокими моральными и интеллектуальными свойствами. Если судить об истинных чертах и качествах современной элиты, то, в представлении социолога, прежде всего, выделяются две характеристики – обладание властью и капиталом. Также не характерны для элиты того периода, с его точки зрения, и порядочность, и нравственность [7, с. 123, 127–128].

Как думается, отчасти идеи представителей и позиционного, и ценностного подходов имеют под собой определенные основания, однако отличаются излишней крайностью суждений, определенной субъективно-ценностной направленностью подходов исследователей, от которой призывал отказаться еще выдающийся немецкий социолог М. Вебер.

Сегодня, на наш взгляд, и позиционный, и ценностный (меритократический) подходы не совсем пригодны в их идеальном варианте для анализа элиты. Прежде всего, как думается, одни из главных их недостатков – в крайней односторонности оценок. В первом случае – превознесение достоинств и ориентация на учет только тех слоев, которые принято относить к правящей элите. Но сама элита, как известно, крайне неоднородна, в ней действуют не только правящие группы, но и оппозиционные (которые В. Парето называл контрэлитой). При этом даже в составе правящих элитных групп представлены не только члены бизнес-сообщества (о чем говорил в своих работах Ж. Т. Тощенко) и корпоративных кругов, но и в последние годы растет прослойка интеллигенции. Так, хотя, как показывает авторский анализ более 650 биографий федеральной и 79 биографий региональной элиты, в них по-прежнему доминируют технократы-хозяйственники (38,5% федеральной и 37,6% представителей элиты региона образуют представители так называемых хозяйственных кругов и бизнес-сообщества), вместе с тем 33,2% на федеральном уровне и 26,0% на региональном составляют политики, которых можно причислить по своему происхождению к различным прослойкам интеллигенции [8–10]. Также не все члены правящей элиты, не говоря уже о контрэлите, являются лицами с сугубо антиэлитными характеристиками.

Учитывая это, на наш взгляд, сегодня необходим особый интегрально-критический подход, свободный от субъективно-ценност-

ных суждений, политико-идеологических и нормативистских трактовок. Прежде всего, он должен основываться на строгой научной нейтральности, четкости оценок.

При этом необходимо учитывать элементы сравнительно-исторического и генетического анализа, выявлять исторические условия и факторы появления различных групп, их несомненное влияние на формирование характерных черт и признаков политической элиты. Согласимся с Ч. Р. Миллсом, что многое зависит от ученого-социолога, который не может поддаваться соблазнам конъюнктуры и должен строить свой анализ на сугубо научных принципах. Ученый совершенно справедливо отмечал, что главная цель – сравнительное познание когда-либо существовавших и существующих ныне в мировой истории социальных структур. Научный анализ обязан предусматривать и систематизацию, которая должна быть разнообразной в соответствии с интересующей того или иного социолога темой [11, с. 112–114].

Действительно, данный принцип системности, на наш взгляд, позволит избавиться от односторонности оценок, мнений и идей, высказываемых представителями данных антагонистических методологических ориентаций.

При оценке элиты, как думается, необходима и известная доля критики. Можно согласиться с Ж. Т. Тощенко, что не всех представителей политической элиты, особенно правящей, можно считать выразителями наиболее перспективных элитных качеств, как, впрочем, и многих представителей современного общества, где отчетливо преобладают тенденции роста мещанских мотиваций и интересов, что и не позволяет формировать новую элиту.

Исходя из этого, необходим особый комплекс индикаторов, по которым можно будет идентифицировать элиту, или профессионально-личностный капитал. На наш взгляд, он должен включать в себя как важнейшие профессиональные показатели, в том числе уровень и качество профессионального образования (прежде всего политического, юридического и гуманитарного); наличие политического и административного опыта, так и творческие, креативные способности (неординарность мышления, предрасположенность к

выполнению лидерских функций, действиям в условиях социальной энтропии) [12, с. 86], что, несомненно, будет соответствовать запросам и потребностям основных социальных слоев и групп общества.

Подводя итог, отметим, что только комплексное применение всех данных показателей интегрально-критического подхода с характерными для него большей нейтральностью оценок, стремлением избежать субъективно-ценностных ориентаций, обоснованностью станет той необходимой научной основой для дальнейшего изучения элиты.

Список литературы

1. Дука А. В. Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 4 (81). С. 5–23.
2. Логинова О. А. Методологические проблемы изучения элит в классической и неклассической социологической традиции // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 2 (58). С. 98–101.
3. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.
4. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров-М, 2005. 384 с.
5. Фототов А. Г. Россия : от мобилизационного общества к инновационному. М. : Бином. Лаборатория знаний, 2010. 431 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М. : Радуга, 1991. С. 40–229. (Антология литературно-эстетической мысли).
7. Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123–133.
8. Правительство России : [сайт]. URL: <https://www.government.ru> (дата обращения: 15.01.2022).
9. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2021).
10. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.council.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2022).
11. Миллс Ч. Р. Интеллектуальное мастерство // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 107–114.
12. Покатов Д. В. Профессионализм политической элиты : понятие, критерии, формы проявления // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 84–92.

Поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 04.05.2022
The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 04.05.2022